

Как баба в белом войну предсказала: эсхатологические настроения в СССР¹

Никита Петров

В фильме «Живет такой парень» (сценарий и режиссура В.М. Шукшин, 1964 г.) бабка Марфа (А.П. Зуева) рассказывает беспартийному шоферу-механику Пашке Колокольникову (Л.В. Куравлев) историю о том, как перед войной нагая женщина, встреченная шофером на дороге, просит привезти ей отрез белой материи на платье:

Ну... Выезжает он из лесочка-то, глядь — впереди стоит баба... Голая. Подняла руку. Ну, Павел маленько оробел. Останавливается. Подходит эта баба к нему и говорить: «Вот тебе двадцать рублей...» [Павел:] По новым деньгам, что ли? [Марфа:] Да по каким по новым. Дело-то до войны было. [Павел:] А... Да, да. [Марфа:] Как раз перед войной. «Вот тебе двадцать рублей, говорить, купи мне на платье белой матерьи». <...> [Павел:] Так чем кончилась история? Привез он ей материи-то? [Марфа:] А, антересно? Привез матерью. Взяла она. А потом поглядела на Павела, да и спрашивает: «Ну... зачем же ты мои деньги-то пропил?» [Павел:] А откуда она узнала, что он деньги-то пропил? [Марфа:] Так это ж разве простая баба была? Это ж смерть ходила. Саван себе искала. Вот после етого вскоре и война началась. Она, она матушка ходила².

Этот сюжет является частью более широкого круга славянских и европейских эсхатологических рассказов³, в которых путнику встре-

---

¹ Статья представляет собой часть совместного с А.С. Архиповой исследования. Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Тема проекта: «Динамика ритуально-мифологических традиций в региональных и социокультурных контекстах конца XX — начала XXI в.»

² Расшифровка видео: 00.41–00.45 мин.

³ В указателе сюжетов мифологических сибирских рассказов В.П. Зиновьева этот сюжет называется «Вестники судьбы» (№ Е.1): Женщина в белом (в красном) предсказывает бедствия: выходит из лесу, останавливает машину, просит шофера купить ей товар, когда шофер отдает товар, она предсказывает бедствия; плачет в лесу — людей косит болезнь [Зиновьев 1987: 320]. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов Л. Симонсуури

чается некий персонаж (молодая женщина, старуха, баба, старик), часто без одежды, который просит привезти ему одежду или материю (отрез белой материи на платье, обувь, платье, штаны) / перевезти на другую сторону рек или показывает поле с урожаем, кровь, мясо, гроб. Затем (в русских вариантах) персонаж предсказывает ближайшее будущее: будет или нет война, будут умирать старики или молодые, будет или нет голод, прочие бедствия. Однако приведенный в начале статьи текст (как, впрочем, большинство текстов с таким сюжетом, записанных в советское время) будет непонятен без хронологических вариантных сопоставлений и славянского и, шире, европейского контекста.

Такие тексты (назовем их слухами) актуализируются в экономически и политически сложные времена — в годы чумы, засухи, неурожая, военных действий. Причем распространение слухов среди населения происходит часто постфактум, когда злое событие уже произошло и необходимо прояснить его причины или указать на виновного, а фиксация этих текстов осуществляется специалистами через десятки лет.

Рассматриваемому сюжету в каком-то смысле «повезло»: это «горячий пирожок» с невероятной (часто фантазмагоричной) начинкой для любого массового ежедневного издания: он часто попадает в региональную прессу XIX в. в качестве предуведомления или комментария к тому или иному бедственному положению дел:

Отчего в 1891 и отчасти в 1892 году случился неурожай? Чем объяснить появление минувшим летом в России холеры, и какие средства действительно против этой непрошеной гостьи? <...> Далее, чем-то окончатся возбужденные в последние годы ожидания войны, — будет ли война? [Успенский 1983: 183].

В послереволюционные десятилетия такие тексты также фиксировались, однако собственно фольклорная составляющая дискредитировалась: слухи служили достоверным источником информации для вышестоящих органов¹ о готовящихся событиях и сиюминутных

называет этот тип (Q 21) «Эпидемия, оспа, холера — болезни ходят, требуют возможности ездить» [Симонсуури 1991: 186].

¹ См. обобщающую статью о диалоге власти и народа посредством фольклора [Архипова, Неклюдов 2010].

настроениях. Именно поэтому сюжеты о вестниках судьбы оказывались приурочены к еще не произошедшему событию, а эсхатологические темы (гибель человечества в результате мировой войны) низводились до конкретных событий — локальных конфликтов и неурожаев. В 1920–1930 гг., когда ежедневная информация с мест (в том числе и слухи) из сводок ВЧК–ОГПУ–НВД стала объединяться в госинформсводку, поступающую с 1922 г. напрямую членам Политбюро, историям о женщине или старике, которые объясняют крестьянам и пролетариям странные явления на дороге или предсказывают скорую войну, также уделялось пристальное внимание. Вот одна из записей, сделанная в 1937 г.:

На днях должна быть война Советского Союза с капиталистическими странами. Об этом мне известно из разговоров с гражданами села Рогаткино, которые ездили в село Дубровку и по дороге нашли мешок с хлебом <...> Далее по дороге им попалась другая находка — ведро с человеческой кровью, вызвало у них недоумение, и они поняли, что эти находки обозначают какую-то загадку, которую им разгадал встретившийся на дороге неизвестный старик. Этот старик объяснил, что мешок с хлебом обозначает, что в 1937 году будет сильный урожай, а ведро с кровью означает, что в этом году будет война и большое кровопролитие [Осокина 1997: 205].

Примечательно, что в этом тексте (*«На днях должна быть война Советского Союза с капиталистическими странами. Об этом мне известно из разговоров...»*) эсхатологическая мировая война воспринимается буквально как война с капиталистическими странами, которая случится на днях (действительно, советские люди в 1937 г. жили в ожидании войны с Западом).

В книге «За фасадом сталинского изобилия» автор пишет, что в 1937 году

во время уборочной страды на Волге, в Саратовской области появилась легенда. Она быстро разошлась среди волжских крестьян и перекинулась в соседние области... В материалах НКВД рассказы крестьян получили таинственное и даже зловещее название — «Легенда о мешке с хлебом, луже крови и таинственном старике». В колхозе «Верный Путь» (Казачкинский район, Саратовская обл.) колхозница Байбара рассказывала:

Из села Казачка шел муж с женой по направлению в село Успенку, и на

дороге среди хлебов ржи нашли мешок с хлебом. Стали они поднимать его и никак не поднимут. Тогда они вернулись домой, запрягли лошадь и поехали за найденным мешком с хлебом. Но на том месте, где раньше был мешок, сидела женщина во всем белом и вокруг нее была лужа крови. Когда эту женщину спросили, где мешок, она ответила, что мешка нет и вы его не возьмете. Этот мешок предсказывает то, что в этом году будет сильный урожай, но убирать его будет некому, потому что будет сильная война [Осокина 1997: 205]¹.

Стоит отметить важные детали, которые фиксируются в этих текстах: персонаж, который предсказывает, — это *голая баба, неизвестный старик, женщина в белом*; ему нужно привезти *белой материи на платье*; *мешок с хлебом, лужа крови, ведро крови* интерпретируются им как знаки будущего отличного урожая и кровопролитной войны, в результате которой погибнет множество народа и некому будет собирать богатый урожай².

Фольклорные тексты о том, как некий персонаж просит привезти одежду, предсказывает войну, трактует зловещие знаки, естественными образом связывались с другим эпохальным событием XX в. — Второй мировой войной. Теперь рассматриваемый сюжет обрастает новыми подробностями, модернизирует детали (появляется главный герой — шофер — растиражированный в фильме Шукшина, упоминаются колхозы):

*И вот одна женщина рассказывает такую бль, небылицу. Милые мои, дорога узкая полевая, рожь высокая-высокая стеной стоит. Машина ехала. Машин тогда было мало. И вдруг колеса крутятся, машина стоит. Выходит женщина в костюме Евы. — Откуда выходит? — Из ржи, из посевов. <...> И держит три колоса: колос ржи, колос пшеницы и колос ячменя. Тучные колосья. Зерна налитые. И говорит: *Не спеши! Вот видишь, какой урожай. А убирать некому будет. Нekoгда будет. Будет война [Инф. 1].**

В этом примере голая женщина предсказывает войну, используя

---

¹ Е. Осокина пишет о том, что в других вариантах легенды (всего в материалах НКВД их пять) также появлялись то *огненные столбы*, то *чаны с кровью*, то *старик, который толкует виденное*, то «женщина в белом» — образ смерти в народных сказах.

² Подборку текстов об эсхатологических ожиданиях, фиксируемых в сводках, можно найти в статье [Смит 2005].

уже известную нам формулу: *будет хороший урожай, но убирать его будет некому*. Здесь отчетливо заметна связь между хлебом (урожаем) и грядущей войной. Интерпретатором знаков оказывается раздетая женщина, которая не просит привезти ей одежду. Более поздние версии сюжета довольно часто контаминируются с другими сходными сюжетами о предсказании войны, поэтому становится понятным отсутствие мотивировок (почему обнаженная женщина не просит одежду) и замена персонажей (старик просит привезти ему одежду).

Чрезвычайно интересным с этой точки зрения оказывается текст, записанный в Казахстане. В нем эсхатологические мотивы (будет такое время, когда на сто километров будет один человек) совмещаются с мотивом трех гробов, в первом из которых лежит, соответственно, покойник, второй полон крови, третий — цветов:

Во Пскове есть Троицкий собор... Едет ночью... шофер на машине на грузовой, товар он развозил, вдруг выходит женщина и его останавливает. Он остановился, к...[конечно] среди ночи, конечно, испугался. Она говорит: *А Вы меня, говорит, не бойтесь, а теперь, — говорит, — идемте. Вот Вам, — говорит, — деньги и купите мне восемь метров материи и в это же время мне привезете. <...> А теперь, говорит, идем в подземный ход. <...>* стоит три гроба. В одном гробу ст... лежит покойник, во втором гробу льется кровь через края, а в третьем гробу цветы через края. Он... [Женщина говорит:] *<...> В скором будущем будет великая война, люди будут погибать, и будет некому похоронить. А кровь будет литься... и на земле, и на суше. Но это не последняя война, будет война еще гражданская, и вот такая будет цветущая жизнь... Людей на земле останется совсем мало, человек пойдет сто километров и встретит другого человека, и они будут создавать жизнь, и будет такая цветущая жизнь [Инф. 2].*

Хотя похожих текстов, приуроченных ко Второй мировой войне, записано довольно много¹, часть текстов не акцентирует внимание на предсказании войны: пророческий персонаж предсказывает смерть молодых, а не старых, предсказание смерти отсутствует и т.п. Меня интересуют прежде всего те нарративы, в которых персонаж просит привезти встреченного шофера одежду. Ниже я кратко пере- скажу найденные тексты, отмечая курсивом существенные детали:

¹ Обзор и анализ текстов о предвестиях войны см. в [Белова 2013; Запорожец 2005].

1. *Старушка* просит шофера купить ей *старую рубашку*, он привозит новую, *старушка* сетует, что будут умирать молодые, а старые: *стариками-то будут дольше жить, а молодежь-то умирать больше будет. Больше молодежи будет умирать, а стариков меньше* (Новгородская обл.) [Панченко 2008: 348];

2. Внезапно останавливается машина, из леса выходит *женщина* и просит привезти 10-20 метров *белого товара*. Шофер привез, *женщина порвала материал, половину отдала шоферу, половину взяла себе*. Сказала, что *войны не будет* (Сибирь) [Зиновьев, 1987: 290–291];

3. Внезапно останавливается машина, идет *женщина в белом* и просит *полметра белого материала*. Шофер привозит, спрашивает, будет ли война. Сказала, что *войны не будет* (Сибирь) [Зиновьев, 1987: 291–292];

4. Шофер по дороге встречает вышедшую из кустов *раздетую женщину*, она просит *привезти ей одежду*. Он привозит, она говорит, что *войны не будет, мужики так будут умирать* (Архангельская обл.) [Инф. 3].

5. *Голая женщина* зимой останавливает шофера, *просит привезти ей одежду*. Тот привозит. Шофер спрашивает, зачем она появилась, та отвечает, что *войны не будет, а люди будут гибнуть больше, чем на войне, затем исчезает, оставляя узел с одеждой* (Тульская обл.) [Бурцев, Пешехонов 2002: 46–47];

6. *Женщина (баушка)* стоит на дороге, останавливает шофера, *просит привезти старую рубаху*. Он привозит новую. Она говорит, что *будут умирать люди молодые, а не старые* (Центр. Казахстан) [Цветкова 1986: 94].

Важны несколько деталей, отмеченных в текстах: акцент делается на одежде, белой одежде, белой материи; персонаж внезапно исчезает; предсказание: будут умирать молодые, а не старые. В вариантах (1, 6) ничего не говорится о предзнаменованиях войны, в вариантах (3, 5) шофер, испугавшись появления персонажа, внезапно сам спрашивает о войне. Сюжет таким образом возвращается в «фольклорное» русло, освободившись от исторических приурочиваний.

В рассматриваемом сюжете о предвестии войны одним из главных персонажей является нагая женщина, которая просит привезти ей одежду либо кусок белой материи. В толковании кумы (бабки Мар-

фы) из фильма В. Шукшина этот персонаж — смерть, которая перед войной ищет саван, вероятно, для того, чтобы было чем накрывать погибших на этой войне. Такая интерпретация персонажа (смерть, встреченная на дороге) оказывается очень важной и раскрывает истоки этого образа. Представляется, что сюжет про голую (в белом, оборванную) женщину, которая просит шофера привезти ей одежду, а затем предсказывает гибель, генетически связан с широко распространенным западноевропейским сюжетом об антропоморфном духе болезни — чуме, лихорадке, оспе, коровьей смерти — через близкие русским восточно- и южнославянские варианты, известные в записях XIX в., суммированные А.А. Потебней: крестьянин возвращается (на телеге) в свое селение, у реки некая женщина просит перевезти или перенести ее на другой берег, иногда ей нечем заплатить, в оплату она показывает знамения скорых несчастий, человек спасается, а в селении начинается мор (умирают люди, скот) и кровопролитная война [Потебня 1914: 224–226].

В европейских странах мифологическая история о причинах болезни появляется сразу вслед за чумой, проникающей из стран Дальнего Востока [Gottfried 1983: 8]. Она представляется людям как в обличье человека или нескольких людей, так и в обликах животных, тумана, огня [Bulst 2002]. В европейских легендах чуму часто перевозят через водное пространство — она пересекает водную границу (особенно это заметно на скандинавских примерах — после анализа всех норвежских, датских, шведских, исландских вариантов хорошо видны пути миграции самой болезни и сюжетных мотивов, связанных с ее появлением) [Tangherlini 1988].

В славянских вариантах XIX столетия отчетливо прослеживается связь хлеба (колосьев), гроба, крови и одежды. В вариантах сюжета, зафиксированного в XX в., происходит смешение этих деталей, а сам сюжет контаминируется с другим.

По всей видимости, инвариантные схемы этих двух славянских сюжетов суть следующие: 1. Человек (шофер) на дороге (едет продавать хлеб/молоко), встречает сверхъестественного персонажа, тот (в благодарность за услугу — человек привозит одежду, платок), показывает будущее: хороший урожай и смерть людей.

2. Путник идет по дороге, видит странные предметы: гроб, ведро

с кровью, мешок с зерном, появляющийся интерпретатор рассказывает, что эти знаки предвещают хороший урожай и смерть людей.

Расположим в обратном хронологическом порядке тексты на данный сюжет, начиная с 1945 г.:

1945 г.: Женщина в одних рейтузах выходит из-под моста и просит шофера купить ей платье. Тот покупает, она просит разжать ей руку. В одной руке у нее колос, в другой мясо: будет много хлеба, но из-за кровопролития некому будет его есть [Белова 2002: 13–14].

1923 г.: Мужик едет продавать овес, к нему из леса выходит раздетый старик, говорит, чтобы продавал овес за такую цену, какую хочется, просит купить рубашку, за это обещает предсказать, какой будет год. Мужик покупает рубашку, старик говорит, что в этом году будет хороший урожай, но есть его будет некому — людей не будет, будет мор на людей [Елховский 2013: 271].

1926 г.: Женщина несет через лес на продажу молоко, дает напиток встреченному старику, старик просит купить ему рубашку, та покупает. Старик показывает ей полянку с колосьями и ручей: столько будет крови в этом году пролито, сколько в этом ручье воды. И урожая того некому будет есть [Данківська 1926: 112]¹.

1920 г.: Коммунист едет лесом, видит мешок с зерном, кадка крови, пустой гроб. Встречает старика, подвозит его, старик говорит, что это большой урожай, кровопролитная война, голод и мор — некому будет хоронить друг друга [Ончуков 1928: 28].

В более ранней записи 1917 г. мы видим переходный вариант²: вместо антропоморфного персонажа появляется корова (коровья смерть в славянских текстах), которая показывает крестьянину будущее:

1917 г.: Мужик едет в Москву продавать овес, у Смоленской Заставы его встречает корова и просит привезти ей платок. Мужик привозит ей платок, корова говорит, чтобы тот покрылся платком. Мужик смотрит налево: война, народ падает; направо: все поля хлебом покрыты. Корова говорит, что 7 лет будет война, будет хороший уро-

---

¹ Обращает на себя внимание и комментарий: *Таку легенду в декількох варіантах лікарка чула від кількох своїх пацієнтів (Данківська)* [Данківська 1926: 112].

² Существует и более ранний текст 1892 г. из Курской губ.: человек, возвращаясь из города, повязывает купленный им платок на рога корове, та открывает ему будущее (он заглядывает через рога покрытой платком коровы и видит хороший урожай и гробы) [Васильев 1892: 189].

жай — на 7 лет хватит. Просит покрыть ее платком, затем пропадает [Фольклорные сокровища 1998: 137].

В этом тексте крестьянин привозит корове платок (ср. одежду, которую женщина просит ей привезти), как только крестьянин покрыл корову платком — она исчезает. В следующих двух вариантах видна замена персонажей: появляется дух болезни в женском облике — холера, которая просит привезти обувь, и женщина, которая просит привезти чулки, затем исчезает. Персонаж просит молчать об увиденном либо просит тайно положить привезенную одежду, затем исчезает:

1893 г.: Крестьянин встретил женщину, она попросила его привезти башмаки из города, тот отказался. Тогда женщина попросила посмотреть через ее плечо: он увидел поле, покрытое трупами и гробами, через другое плечо — тучные поля с хорошим урожаем. Потом сказала, что она холера и попросила никому не говорить (Зап. в Днепропетровске) [ЭО 1893: 193].

1892 г.: Мужик на волах вез на продажу пшеницу, видит плохо одетую босоногую старчицу. Она увеличивает его товар, просит привезти чулки на это место, да так, чтобы никто не видел. Мужик привозит чулки, старчица велит встать на правую ногу и посмотреть волам между рогами — роскошные хлеба, затем велит встать на левую ногу — мужик видит много гробов. Старчица говорит, что в следующем году будет сильный урожай, затем настанет мор на людей и скотину, затем исчезает [ЭО 1892: 250].

1890 г.: Мужик на дороге остановился покормить лошадей, его останавливает седой старик, просит напиться, мужик отказывается, говоря, что нет воды. Старик тряхнул правым рукавом — посыпалось зерно, тряхнул левым — посыпался песок. Это значит, что будет урожай, но люди будут засыпаны землей — умрут¹ [ЭО 1890: 212].

Следующий текст показывает, как появляется мотив «антропоморфный персонаж просит привезти одежду, затем исчезает»: одевание нагого человека не акцентируется, одежда нужна, для того чтобы увидеть будущее (как и в предыдущем тексте). Кроме того, здесь ясно видно, что главным бедствием будущего является болезнь:

1890 г.: Мужик сеет пшеницу, встречает голого человека, у которого только ноги прикрыты. Человек просит принести ему сорочку и шта-

---

¹ История приурочена к Киеву.

ны. Мужик приносит, человек говорит, чтобы тот посмотрел в правый рукав — там урожай пшеницы, в левый рукав — там «узлики» [белая сыпь на коже — признак приближающей проказы — Н.П.] — на людей будет великий мор, некому будет жать. Затем исчезает, оставляя одежду (Зап. в Смоленской обл.) [ЭО 1890: 212].

Советские и современные русские рассказы о персонаже, встреченном каким-либо путником (шофером), — бабе в белом / голой женщине / старике — и предсказывающем грядущие бедствия, содержат мотивы, характерные для народной прозы XIX в. Подобные сюжеты циркулируют в архетипической памяти, актуализируясь в кризисные моменты истории. Базовым мотивом большинства текстов является истолкование видений, предвещающих войну, мор, неурожай. Генетически сюжет, рассматриваемый в статье, связан с популярным в славянском мире сюжетом о чуме, холере или коровьей смерти в образе женщины, которая приходит в селение и несет с собой смерть.

Хочу выразить благодарность за консультации и подсказки ценных примеров А.А. Архиповой (ЦТСФ РГГУ), О.В. Беловой (Ин-т славяноведения РАН), Е.Е. Левкиевской (Ин-т славяноведения РАН), А.Б. Морозу (ИФИ РГГУ), С.Ю. Неклюдову (ЦТСФ РГГУ), А.Д. Соколовой (ИЭА РАН).

Информанты

Инф. 1 — ШВА, 1932 г. р. Зап. в 2010 г. Из личного архива Александры Балашовой.

Инф. 2 — БМИ, 1925 г.р. Псковская обл., дер. Цыплята, грамотная, 7 классов, закончила Псковский пед. Техникум, замуж вышла в дер. Курган. Зап. 06.07.2009, г. Павлодар, Казахстан. Соб. А.С. Архипова.

Инф. 3 — ДАА, Архангельская обл., Каргопольский район. Зап. в 2013 г. Н.В. Петровым, А.Б. Морозом, И.В. Левиной.

Литература

Архипова А.С., Неклюдов С.Ю. Фольклор и власть в «закрытом обществе» // Новое литературное обозрение. Независимый филологи-

- ческий журнал. 2010. № 101. С. 84–103.
- Белова О.В.* Фольклорные записи 1945 года из Брянской области // Живая старина. 2005. № 2. С. 13–16.
- Белова О.В.* Легенды о войне: архетипы в современных фольклорных нарративах // Проблемы истории России. Вып. 10: Исторический источник и исторический контекст. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2013. С. 227–235.
- Бурцев И.Г., Пешехонов И.В.* Итоговый отчет по долгосрочной научной теме «Этнография Куликова поля» (Тульская этнографическая экспедиция). Тула: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2002.
- Васильев М.К.* К легендам о голоде, холере и войне // Этнографическое обозрение [Смесь.], 1892. № 4. Кн. 15. С. 188–189.
- Данківська Р.* Легенда про старика // Етнографічний вісник. Кн. 2. Киев, 1926. С. 7.
- Запорожец В.В.* Знамена войны // Живая Старина. 2005. № 2. С. 16–17.
- Зиновьев В.П.* Мифологические рассказы русского населения восточной Сибири. Новосибирск: Наука, 1987.
- Осокина Е.Л.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941. М.: РОССПЭН, 1997.
- Панченко А.А.* Религиозный фольклор села Менюша // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. XXXIII. СПб., 2008. С. 323–365.
- Потебня А.А.* I. О некоторых символах в славянской народной поэзии. II. О Связи некоторых представлений в языке. III. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. IV. О доле и сродных с нею существах. Харьков, 1914.
- Симонсури Л.* Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов. Петрозаводск, 1991.
- Смит С.* Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 280–305.
- Успенский Д. И.* Толки народа. (Неурожай. — Холера. — Война) // Этнографическое обозрение, 1893. № 2. Кн. 17. С. 183–189.
- Фольклорные сокровища* московской земли. Сказки и несказочная проза. М.: Наследие, 1998.

- Цветкова А.Д.* Русская устная мифологическая проза Центрально-Северного Казахстана: учебн. пособие. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2006.
- Ред. [Примечание редактора к статье А. Е. Грузинского. Урожай и холера] // Этнографическое обозрение [Смесь.]. 1892. № 2-3. Кн. 13-14. С. 250.
- [Смоленский вестник] // Этнографическое обозрение. [Библиография. Раздел III. Газеты. Смоленский вестник. № 74.]. 1890. № 3. Кн. 6. С. 212.
- [Ковен. губ. вед.] // Этнографическое обозрение. [Критика и библиография. Раздел II. Журналы и газеты. Ковенския Губ. Вед. № 8 (прибавление)]. 1893. № 1. Кн. 16. С. 193.
- Bulst N. Pest* // Enzyklopädie des Märchens Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Band. 10: Handwörterbuch zur historischen und vergleichenden Erzählforschung. Band 10, Nibelungenlied-Prozessmotive. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2002. S. 772–782.
- Gottfried R. S.* The Black Death: Natural and Human Disaster in Medieval Europe. New York: Free Press, 1983.
- Tangherlini, Timothy R.* Ships, Fogs, and Traveling Pairs: Plague Legend Migration in Scandinavia // The Journal of American Folklore. Vol. 101. Iss. 400. 1988. P. 176–206.